

ЭКСПЕДИЦИЯ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ — ИСТОКИ РОДНОЙ РЕЧИ

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» НА КАРТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОИСКА

В.К. Харченко

Кафедра русского языка и методики преподавания
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

Выявляются причины отставания в исследовании некоторых тем, сфер, областей современной лингвистики. Это трудности обособления предмета исследования (при наложении возрастных, гендерных, профессиональных и других параметров), закрытость личностной стороны жизни, понятийно-терминологические лакуны, неактуальность целого ряда жанров, приоритет «минуса» над «плюсом» при фиксации услышанного.

Ключевые слова: «белые пятна» на карте исследований, методика сбора материала, интонация, геронтолингвистика, инскрипт, лозунг.

Проблема поиска неизученного в области лингвистической мысли, как, впрочем, и в других областях, требует максимально корректного подхода к обширному комплексу уже изученного, в частности осознания того непреложного факта, что и «старые» темы не следует надолго оставлять без внимания, выпускать из поля зрения. Остро нуждаются эти, будто бы примелькавшиеся темы и в обновлении теоретических постулатов, и в пересмотре материала исследования с позиций новых научных парадигм лингвистической мысли. И тем не менее иногда мы вправе задать себе вопрос: существуют ли земли, на которые не ступала нога лингвиста-исследователя? Вопрос эпатажный, провальный по существу. В стране столько научных руководителей, столько у каждого аспирантов, столько кандидатов наук всерьез думают о теме докторской диссертации — откуда в свете многочисленных и в большинстве своем опытных потенциальных первопроходцев могут быть (т.е. сохраняться, консервироваться!) «белые пятна», тем более что каждый лингвист мечтает о настоящей, не ритуальной актуальности, мечтает о звонкой, настоящей, не просто «ваковской» новизне исследования?

О ценности манифестов, проектов в науке еще в 1974 г. писал М.Н. Эпштейн [11]. Любому исследователю с возрастом открывается панорама, окружающая ту сферу знания, которой он занимался вплотную. Почему бы не поделиться увиденным, тем паче что схватить, исследовать, интерпретировать самому можно лишь малую толику «всего» обозримого неизученного? Сразу отметим, что в век

торжества Интернета, когда можно найти публикации практически по любой теме, речь пойдет о системном, устойчивом не-изучении, о зонах, если так можно выразиться, «неохотного поиска».

В одной из своих книг мы выделили так называемые «белые пятна» на карте современной лингвистики, подробно описав парадоксы и перспективы того или иного несостоявшегося исследования, подчеркивая право лингвиста и на такой эпатажный жанр научно-популярной публикации, как книга рисков. В продолжение «книжной» своей публикации ту самую коллекцию «белых пятен» мы сейчас попытаемся расклассифицировать в зависимости от причин устойчивого не-изучения тех или иных тем. Кстати, не успели мы в своей работе в качестве «белого пятна» провозгласить исследование терциарной речи, как вышла монография, посвященная диалогу в триаде с молчащим наблюдателем [1]. И все же по каким причинам не изучаются некоторые области современного лингвистического знания?

Первая причина — трудность сбора материала, связанная с растворением специфики изучаемого объекта в смежных характеристиках. Этот блок не-изученностей составляют такие темы, как «Старческая речь», «Язык закрытых городов», «Язык Москвы». Если структуру любого научного поиска представить в виде триады: материал — метод — теория, то по отношению к геронтолингвистике сложности начинаются со сбора материала: что именно в собранном материале признать «возрастным», убедительно отделив от социального, гендерного, профессионального, индивидуального. В одной из своих книг писатель Сергей Есин заметил, что *постным* масло назовут те, которым далеко за семьдесят, а молодежь употребит иные слова: *растительное, подсолнечное*. Слова и словосочетания *стало быть, казенные деньги, голубчик* явно не из молодежной субкультуры. Сказанное распространяется и на частотность слова. Существительное *давление* на порядок частотнее в речи человека, перешагнувшего возрастной экватор. Тонкую интуицию надо развить в себе, чтобы улавливать лексические свидетельства возраста и старения, тем более что сами эти свидетельства также меняются со сменой эпох. Отчасти можно вести поиск материала по художественным текстам, однако это будет вторичным отражением «языка старости». В устной разговорной речи можно отталкиваться от реминисценций, цитат, крылатых слов — такой банк данных собрать, пожалуй, несколько проще, нежели составить «обычный» словарь старения. Даже такая узкая тема, как «Глагольные междометия в речи лиц преклонного возраста» обещает «свой материал» при достаточно объемном подходе к информантам: *Я хватать-хватать — а пенсионного и нету!* (26.03.2008).

Аналогичная трудность наблюдается и при изучении языка закрытых городов. Как обличить общее от индивидуального, специфику, рожденную закрытостью города, от специфики общеинтеллигентской речи (а есть ли такой термин?). Официально в нашей стране 73 города относятся к наукоградам, но интереснее, конечно же, описать язык «самых-самых» закрытых. Здесь и свои семантические конденсаты: *Откуда вы? — Из сорокопятки* (Красноярск-45), свои фразеологизмы: *жить в ящичке*, свои анекдоты: *Где работаешь? — В почтовом ящичке. — Где твой завод находится? — Напротив гастронома. — А где гастроном? — Да кто ж тебе скажет!*

Столичный мегаполис, мы писали об этом в своей книге, тоже формирует свой особый языковой модус, и здесь нужны объемные исследования, чтобы уловить нечто «чисто московское», будь то интонация, произношение некоторых согласных и их групп, грамматические и лексические предпочтения. С одной стороны, мы наблюдаем унификацию речи под мощным нивелирующим воздействием СМИ. С другой стороны, любое очерченное (возрастом ли, «географическими координатами», статусом) языковое сообщество стремится сохранить групповое своеобразие, и на уровне языка тоже.

Сказанное относится и к отдельной ячейке общества — семье. Но здесь подстерегает исследователя другая причина устойчивости «белого пятна» на карте лингвистического знания, а именно закрытость личной стороны жизни. Положим, «язык» собственного семейства легко может стать экспериментальной площадкой для наблюдений и отслеживания. Лингвист заметит здесь и метафорику имен собственных, и рождение нового фразеологизма, ироническое цитирование, узуальные и окказиональные диминутивы, игровое интонирование. В недрах своей семьи все это несложно зафиксировать и обобщить (хотя и это не делается!), тогда как внутрисемейный язык других стратов фиксировать уже непросто: присутствие «молчащего наблюдателя» заведомо искажает картину.

Язык в закрытом пространстве семьи может стать интересным и плодоносным аспектом также в плане исследования потенциального арсенала глагольных префиксов: *мы прикупили... мне придарили... я присобрала материал... Занавесочки попостирала...* Обозначим и такую неисследованную сферу внутрисемейной речи, как любительское стихотворчество, хотя оно лишь частично входит в стихию внутрисемейной речи, а большей части касается стихии личного творчества вообще. Стоит ли «серьезному лингвисту» заниматься дилетантскими стишками? Мы все больше убеждаемся, что стоит, потому что и в таких стихах таится своя поэтика: система метафор, игра антитез, особое интонирование языковой игры. И к рифме здесь более мягкие требования. Приведем (с любезного разрешения автора) стихотворение И.Г. Дегтярь, написанное ко дню рождения старшей сестры, Марии Григорьевны:

Муся — солнышко мое, / Я подсолнушек ее. / Муся — яркий мой цветочек, / Я при ней всего листочек. / Муся — розочки цветы, / Я ж от розочки шипы. / Муся — белая ромашка, / На ромашке я — букашка, / Муся словно незабудка, Я ж забудь-через-минутку. / Муся — колокольчик синий, / Я ж на нем роса иль иней. / В общем, я совсем не цветик, / Но мы вместе с ней — букетик (14 апреля 1990 г.).

Не может быть, чтобы в любительских стихах вообще «ничего не было». Собирай по яголке — наберешь кузовок. Некоторые ценные находки «поэзии не первого ряда» заслуживают фиксации, анализа и, может быть, даже вкрапления в словари, чтобы и такой материал не пропал для сокровищницы общенационального духа.

Внутрисемейный язык (разумеется, так же, как и старческая речь!) не может не отражаться в текстах художественного произведения. В этом плане характерен следующий отрывок из романа Алексея Слаповского «Анкета»:

В положенный срок Ольга Владимировна почувствовала, что беременна. Они были счастливы. Они часами гуляли, называя будущего сына Алешей, Алешечкой,

Лешечкой, Лешунчиком, Шунчиком, Чунчиком, Лексиком, Алексиком, Ляльсиком, Алексюшечкой, Аленьким Цветочком, Лешечкой-Лепешечкой, Лешечкой-Крошечкой, Лукошечкой, Хорошечкой, Люсюсюнчиком, Лео-Лесей, Лешмандиком, Алле-Селе, Леш-Клеш, а также — Лесик-Куролесик, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стиг-Прыг, Стишок, Лесиокус-Фокус, Шок-Фок, Люлек-Бегунок, Люлюшка, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стриг-Прыг... Родилась девочка. Они не огорчились. Они приняли это как разумные люди. Но слишком долго они возились с именем и не в силах были отказать от него, поэтому и назвали девочку необычным именем — Алексина. Есть же Александра, почему не быть Алексине?

Гипокористические имена целесообразно изучать прежде всего на материале внутрисемейной речи. На занятиях с учащимися Майской гимназии (Белгородский район Белгородской области) доцент Белгородского государственного университета Татьяна Федоровна Новикова предложила задание: образовать производные от собственного (своего) имени. Победила Черменёва Наталья (10«Б»), придумавшая 59 вариантов:

Наталья, Натали, Нейчел, Нати, Наташа, Наташечка, Натуля, Наточка, Наташунька, Натик, Наташулька, Натулька, Наташенька, Наташечка, Ната, Наточка, Наташуня, Натаха, Наташка, Наташкин, Наташуля, Натанька, Натальюшка, Наташуня, Натуня, Ноня, Натуся, Натусик, Нонька, Натуня, Наташок, Наталюня, Наталка, Наталек, Наталька, Наталочка, Наталя, Нота (бабка Нота в нашем селе — приписка), Нотка, Ноточка, Нотик, Таля (сестра Шукшина в его воспоминаниях), Талечка, Таленька, Талька, Талёк, Таша, Ташенька, Тусик, Ташка, Ташечка, Туся, Ташуля, Ташуня, Шуня, Шунька, Шунечка, Шунюля.

Девочка в чем-то превзошла вышеприведенный список писателя, поскольку не отрывалась от звукового облика самого имени (таково было изначальное требование со стороны учителя).

Закрытым в силу личного характера самого языкового материала является и такая тема, как «язык инскриптов» (подарочных надписей). Здесь свой синтаксис, по инскриптам можно изучать лексику комплимента, и юмор здесь своеобразный. Многое можно почерпнуть из опубликованных посвящений, составленных, например, Белой Ахмадулиной (Б.А. Ахмадулина. Поэтические посвящения и дарственные надписи. Сочинения. Том 3. — М., 1997. — С. 115—168). Однако львиная доля инскриптов требует тонкой и деликатной методики самого «сбора материала».

Вернемся к перечню причин наличия «белых пятен» современной лингвистики. В качестве следующей причины мы выделили понятийно-терминологические лакуны, препятствующие исследованию прежде всего фонетики и интонации звучащей речи. Филолог по определению владеет словом, точнее, должен владеть словом чуть лучше, нежели остальные члены общества. Но даже филологу трудно обозначить, описать своеобразие тембра, описать интонационный рисунок, охарактеризовать своеобразие произнесения звуков в речи а) интеллигента (извиняющаяся интонация, негромкость речи) и не интеллигента (большая протяжка, открытость гласных: *Таня-я!*), б) в речи специалистов той или иной профессиональной сферы (некоторая жесткость, избыточная отчетливость произносительной манеры учителей, «ласковость», песенность звуков в речи реализа-

торов, уговаривающих товар купить именно у них), в) в речи тяжело больного человека (монотонность интонации).

Возможна ли акцентология, фонология вне приборов, какими метафорами вышkolить, поставить голос — все это вопросы, имеющие еще и прикладное значение в рамках преподаваемого сейчас повсеместно курса «Русский язык и культура речи». Собственно, речь идет не столько о дефиците терминов, сколько о культуре вслушивания, интерпретации услышанного почти на грани нанолингвистики, то есть схватывания и терминологического обозначения мельчайших молекул звучащей речи. Парадоксально, когда интонация «метафорически» изучается в сфере искусства, а в сфере самой интоналогии метафорические эпитеты слабо пополняют терминологический фонд. Филолог-прикладник может найти немало весьма точных обозначений интонации на страницах художественных произведений: *говорил плоским голосом, вышkolенный голос, виолончельный голос, надтреснутый голос...*

Методологические трудности изучения феномена отдельного-уникального как причина таких белых пятен в лингвистике, как «лингвистика отдельного слова», «язык одного шедевра», в век торжества системности касаются альтернативного, атомарного подхода к материалу. Слово не только зеркало других слов, но и само по себе, как хорошо сказано, «художественное произведение». Мы говорим именно об исследовании. Составленный «Словарь одного слова» (слова «рука») можно расценивать как начальный этап обобщающей лингвистической интерпретации. Художественное произведение не только закономерная ступень развития лингвокультуры, но еще и само по себе уникальная ценность. Атомарный подход к слову, посвящение отдельному слову целых монографий — замечательная стратегия. Мы, русские, богаты не только общим, но и отдельным.

Теперь о другом повороте тематики исследования. А.С. Грибоедов, прославившийся комедией «Горе от ума», Павел Ершов, прославившийся одной сказкой «Конек-Горбунок», сочиненной в 19-летнем возрасте, Александр Кочетков, прославившийся одним стихотворением («С любимыми не расставайтесь...»), — список можно продолжить. Можно сравнить язык шедевра и язык других произведений автора или сравнить язык шедевра с языком близких по теме и жанру других произведений эпохи. Вопрос остается открытым: что именно делает шедевр шедевром на языковом уровне? Почему не дотягивают другие произведения того же автора до уровня общеизвестного произведения? Какие выводы прикладного характера можно сделать из таких сопоставлений?

Причиной остающегося «белого пятна» в лингвистике может быть неактуальность целого ряда жанров. Это легенды, оды, мадригалы, стансы, элегии, лозунги, трактаты, пролегомены, манифесты. Конечно же, кое-что исследуется, например, в плане изучения тоталитарного языка. Языковое оформление легенд, язык лозунга как микрожанра, неиронический языковой позитив — все это требует изысканий, но приток свежего материала здесь затруднен неактуальностью самого жанра в социуме. Небесполезно выяснить при этом, что мы теряем, в том числе и в плане развития языка, если жанровая ниша, например, элегии ничем

не заполнена, если не публикуются «записки» ученого, если современный философ не торопится сочинять трактат.

Еще одной причиной слабой лингвистической изученности некоторых тем является феномен провала середины и ускользания хорошего. Детскую речь изучают, свидетельством тому многочисленные публикации и в нашей стране и за рубежом, интенсивно изучается молодежный жаргон. Однако речь взрослого человека «золотой середины жизни» от 30 до 49 лет, что называется, вне исследовательской игры. «Ухватить» своеобразие трудно, здесь и первая причина из нашего условного перечня задействована (как вычислить в речевом потоке «сугубо возрастное?»). В целом же лингвисту (полагаем, что и психологу, и философу!) полезно признаться в неумении описывать нормальные проявления речи лиц среднего возраста в нормальных ситуациях. Неспешно наблюдая счастливые семьи во время поездок в плацкартных вагонах, я сама пыталась зафиксировать речевое общение этих людей (и между собой, и с посторонними). Увы и ах! Налицо — ускользание хорошего. Не исключено, что здесь нужна та самая отрицательная лингвистика, о которой писал Густав Гийом, требующая фиксации по принципу «чего нет».

Биологически мы так устроены, что скорее заметим минус, нежели плюс: хорошее безопасно, а потому можно перенести свои фортификации (собственную наблюдательность, «доминанты») на другие, более угрожающие объекты. Внутрисемейная речь — это мощная стихия языкового позитива, мощная стихия реализации положительных смыслов, однако, согласимся, смыслов далеко не только положительных. На одной научной конференции была заявлена выразительная проблематика: «Семья как поле битвы». Конфликтогенные ситуации достаточно часто бывают предопределены и спровоцированы лексикой и фразеологией, которая будто вполне допустима и привычна, но содержит незаметные ядовитые кристаллы надвигающейся ссоры: *маменькин сынок, не лезь в бутылку, не с той ноги встал, это подлость, ты трус, не помогаешь, не зарабатываешь* и т.п. Читатель догадался, что в перспективе и здесь скрывается возможный выход в такую сверхсложную задачу, как совершенствование управления внутрисемейной коммуникацией, в частности через задействованные языковые табу.

Очертим еще одно «белое пятно». Возможной темой лингвистического анализа может стать общение с животными. Здесь имеют место свои обращения, своя фразеология, свой комплект междометий, оценочные пласты, приемы персонификации любимого существа.

Когда я просыпаюсь, она головой подлезает под мою руку и ждет, когда я скажу: «Маркиза, ты красавица, ты умница, такой собаки больше нет в городе!» (28 ноября 2005 г.). [Женщина лет пятидесяти в поезде черному пекинесу:] Кушай, Тимош! А то сейчас пойдешь гулять с папой. Кушай, зайка! <...> Молодец, хорошо покушал! (12 октября 2005 г.).

Наверное, самая ожидаемая читателем из «белых» тем — это язык новой плеяды писателей, творчество которых пока еще не стало предметом монографического исследования. Из современных авторов мы бы отдали пальму первенства Борису Екимову, художественное слово которого делает честь современной оте-

чественной художественной (по-настоящему художественной!) прозе. Выпишем несколько отрывков из рассказа Б.П. Екимова «Не надо плакать..»:

а) ...Томно стонали горлицы, желтогрудые иволги выводили печальную песнь, вызванивали варакушки... Птичий хор звенел стройно и слаженно; б) И помогает во всем. С ней матери хорошо; а особенно — бабке, для которой журчливые внучкины речи — лучшая лека; в) Хозяйство не бросишь. Оно у Мишки большое, словно грачиное селенье, гнездо на гнезде: катухи, загоны, сарайчики с хрюканьем, кудахтаньем да мычаньем. А еще — ухороны да погребя, в которых и дна нет. Там солится рыба, которую по весне везут подгулявшие рыбаки. Там хлебные закрома, немереные. Там всякого добра хватает: тюки овечьей шерсти, мешки козьего пуха, птичье перо для мягких подушек и перин. Туда унырнула мебель из колхозного дома животновода, с полевого стана и колхозная столовая вместе с холодильником. «По когтям узнаю льва».

Даже по нескольким небольшим отрывкам можно судить, что есть в этой прозе золотое зерно для развернутого лингвистического исследования. Кстати, в рассказе Б. Екимова «Фетисыч» на малом пространстве диалогов великолепно отражены лексико-синтаксические особенности внутрисемейного общения. Так далекие будто бы друг от друга темы исследования находят точки своего сопряжения. Разумеется, не мы «заметили» писателя. Б.П. Екимов отмечен премиями журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), им. И.А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), главной премией «Москва — Пенне» (1997), Государственной премией России (1998), премией «Сталинград» (1999). Дважды писатель удостоивался премии им. И.А. Бунина.

Полагаем, что в оценках синонимичного состояния литературы лингвист может опережать литературоведа, подвергая анализу язык не только известных авторов современности (Георгий Семёнов, Людмила Улицкая, Татьяна Толстая, Ольга Славникова), но и произведения мало известные, однако заслуживающие внимания: повесть Антона Тихолаза «Старик, посадивший лес» («Новый мир». — 2009. — № 3. — С. 7—39), повесть Дмитрия Шеварова «Петрофит» («Дружба народов». — 2009. — № 3. — С. 12—45). Интересна новая стилистика повести о войне Игоря Николаева «Лейтенанты» («Звезда». — 2009. — № 9. — С. 6—74).

В данной публикации мы неоднократно и намеренно подменяли «речь» «языком». Разницу между этими знаковыми понятиями объяснит любой сколько-нибудь продвинутый студент, особенно перед экзаменом по теории языка. Привычка относиться к детской речи как к речи, к устной разговорной речи как к речи, к внутрисемейной речи тоже только как к речи — не к языку, на наш взгляд, отнимает многое от общенационального языка, перекрывая фиксацию живой подпитки языка неизбывным процессом языкотворчества. На уровне коллективного бессознательного строгая дифференциация языка и речи обедняет представление о реальных языковых (именно языковых!) богатствах, что так важно сейчас в непростой для русского языка период.

Вернемся к узловому вопросу статьи. Причины не-изучения указанных тем оказываются весьма серьезными: не переезжать же в закрытый город, чтобы написать монографию о своеобразии речи лиц, работающих на секретных объектах; не устраиваться же в зоопарк, чтобы отнаблюдать язык «профессионального»

общения с дикими животными; не внедряться же в счастливые семьи, чтобы считывать «их» речь, и сколько надо услышать реплик, чтобы в интонации и звуковом оформлении речи расслышать возрастное, или профессиональное, или статусное? И как на улице, в метро отличить москвича от приезжего, и как расслышать речь, если человек молчит?

И тем не менее проблематику трудно исследуемого надо хотя бы знать, и здесь важна и интересна разность потенциалов: один лингвист назовет одни темы, другой — другие. Кое-что «мелькает из будущего» на процедурах публичных защит, особенно во время всегда непредсказуемых свободных дискуссий. Полагаем, однако, что возможны и специальные публикации, подготовленные в жанре набросков, чертежей, личных приоритетов, планов и предпочтений. О «белых пятнах» писать, повторяем, в чем-то рискованно: вдруг-де что-либо уже появилось? О чем ни заяви, тут же обнаруживается первопроходчик, и не один. Но заявлять надо в силу уже упоминавшегося дефицита манифестов, программ, проектов.

До сих пор мы говорили не столько о «пятнах», сколько о «точках» неизученного. Представим теперь возможные «плоскости», даже «объемы» исследования затронутых в статье проблем.

СТАРЧЕСКАЯ РЕЧЬ: экспрессия в речи пожилых; специфика диалогов в разновозрастной и разновозрастной коммуникации, включающей лиц преклонного возраста; фразеологизмы и старение; особенности старческого нарратива в передаче а) биографем (событий пережитого), б) событий повседневного, сиюминутного; концепт *НОРМА* в речи людей преклонного возраста; языковая игра в старческой речи.

ЯЗЫК ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ: интертекстуальность, своеобразие цитации; особенности словотворчества; соотношение простых и сложных синтаксических структур у жителей закрытого города; языковое обыгрывание секретной информации; городской фольклор.

ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ РЕЧЬ: проявления речевого позитива в общении членов семьи; словотворчество в семейной коммуникации; эвфемизмы и дисфемизмы в семейном общении; динамика общения в течение суток; генеративные высказывания в устах членов семьи: *Как умно ни живи — всегда можно жить еще умнее* (высказывание 8-летнего мальчика, запись 1988 г.); *Устаешь — а что-то сделал — уже легче! Как наркотик... Мы так привыкли работать...* (16.11.2008); специфика «внешнего» и «внутрисемейного» нарратива; интонирование частных реплик; реминисценции в репликах членов семьи; интонационная и лексико-фразеологическая характеристика речи при увеличении численности семьи; дефицит паремий в частном общении: мнимости или реальность?

ФОНЕТИКА И ИНТОНАЦИЯ: типология и характеристика индивидуальных тембров; роль слышимой речи в регуляции психического равновесия; характеристики шепота; фонетические предпочтения колыбельной песни; звуковой юмор художественного текста: *На базаре была куплена старая пишущая машинка «Адлер», в которой не хватало буквы «е», и ее пришлось заменить буквой «э» <...> Купил машинку с турецким акцентом! Значит я начальник отдэлэния?* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); звуковой юмор разговорного дискурса (например,

когда на научной студенческой конференции в Москве выступали студенты-иностранцы из Владимира, Архангельска, Одессы с ярко выраженным местным акцентом того города, в котором они учились); фонетическая экзотика в системе средств создания комического; фонетико-интонационный идеал текста (художественного, публицистического, агитационного).

ЯЗЫК ИНСКРИПТА: лексические предпочтения в различных частях композиции инскрипта; синтаксис инскрипта; языковая игра в подарочных надписях; обозначение дарителя в инскрипте; инскрипт как гипертекст; элементы нарратива в подарочных надписях; топонимическая привязка инскрипта; инскрипт и комплимент.

ЯЗЫК ЛОЗУНГА: суггестивная лексика в составе лозунга; пародирование лозунга как выявление его ключевых характеристик и как средство создания комического; функции лозунга в политическом дискурсе; лозунг-экзотизм в профессиональной среде (в нем. *Unterrichtel nicht so viel, lasst die Kinder lerner* «Не преподавайте так много, дайте детям поучиться!»).

ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ: общее и особенное в общении с разными животными (собаки, кошки, попугаи); жанровые характеристики микро-рассказов о домашних питомцах; общение с домашними животными в сельском подворье; гендерные и возрастные характеристики общения с животными; феномен олицетворения в «диалоге» с животным; специфика языка общения с пчелами; профессиональное общение с животными работников зоопарка.

Финальная, финишная часть любой публикации предполагает в сжатой форме обобщение всего сказанного. Если больше и чаще фиксировать то, что можно назвать языковым позитивом, т.е. фиксировать все то положительное, что встречается в устной (да-да!) и в письменной речи, то приток такого материала даст возможность заняться решением многих из затронутых в статье проблем. Это эвфемизмы в производственном и семейном, личном общении, терапевтический эффект «диалога» с животными, олицетворение вещного мира в старческой речи, подарочные надписи-посвящения, язык высокоинтеллектуальной элиты общества и еще многое из того, о чем мы поначалу не догадываемся, но что высвечивается в процессе исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Актуальные проблемы речевого и лингвистического развития детей дошкольного и младшего школьного возраста: Материалы международной научно-практической конференции... — Орел, 2009.
- [2] *Бабаян В.Н.* Диалог в триаде с молчащим наблюдателем. Монография. — Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008.
- [3] *Гудова М.Ю.* Интонация как факт духовного бытия и способ воплощения в искусстве: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 1999.
- [4] *Кузнецов М.* Интеллект плюс инновации. И. Харичев. Российская наука: быть или не быть. А. Рац. Мы строим новый наукоград // Знание — сила. — 2005. — № 6.
- [5] *Магера Т.С.* Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2005.

- [6] *Попова А.Р.* Словарь одного слова. — Орел: Оперативная полиграфия, 2009.
- [7] *Харченко В.К.* «Белые пятна» на карте лингвистического знания: книга рисков. — М.: Изд-во Литературного института им. А.И. Герцена, 2008.
- [8] *Харченко В.К.* Оказиональные диминутивы в языковом пространстве семьи // Словообразование как факт. Вып. 3. Механизмы и структуры: Сб. научн. статей. — Орел, 2004—2005. — С. 18—21.
- [9] *Харченко В.К.* Внутрисемейное словотворчество // Слово. Словарь. Словесность: экология языка. Материалы Всероссийск. конф. — СПб.: Изд-во «САГА», 2005.
- [9] *Харченко В.К.* Речь старого человека в новеллах М. Коцюбинского // Творча спадщина М.М. Коцюбинського I сучасний літературний процес. — Одесса, 1989.
- [10] *Чупринин С.И.* Русская литература сегодня. Путеводитель. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- [11] *Эштейн М.Н.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX—XX веков. — М.: Советский писатель, 1988.

THE CAUSES OF 'BLANK SPOTS' ON THE MAP OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

V. Kharchenko

Department of Russian language and teaching methodology
Belgorod State University
Pobedy str., 85, Belgorod, Russia, 308015

This paper reveals the causes of the decrease of the research interest to some realms of present-day linguistics. These are difficulties to chart the subject of research (while taking into consideration some parameters like age, gender, occupation and others), privacy limitations, the shortage of appropriate concepts, unfashionable genres, inattention to some fascinating trivia.

Key words: unexplored areas, data collection, intonation, gerontology linguistics, inscript, slogan.